

= 50 K.

1948H
1595

Зам.

орич

ЯЗЫКОВѢДѢНІЕ И СЛАВЯНОВѢДѢНІЕ,

ИХЪ МЕТОДЪ И ЗАДАЧА;

языкъ церковнославянскій въ историческомъ прои-
ломъ славянства.

А. Александрова.

Вступительная лекція, читанная 28 января 1889 года въ
Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1889.

ПРОВЕРЕНО

1948 Н
1595

ЯЗЫКОВѢДѢНІЕ И СЛАВЯНОВѢДѢНІЕ,

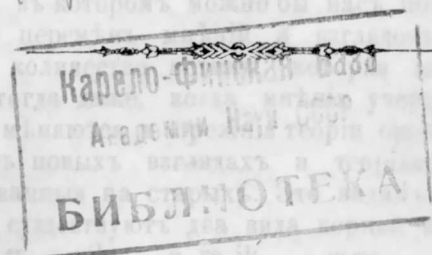
ИХЪ МЕТОДЪ И ЗАДАЧА;

языкъ церковнославянскій въ историческомъ прошломъ славянства.

А. Александрова.

Вступительная лекція, читанная 28 января 1889 года въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

*(Библиока)
Языки
n 3192*

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1889.

1978 г.

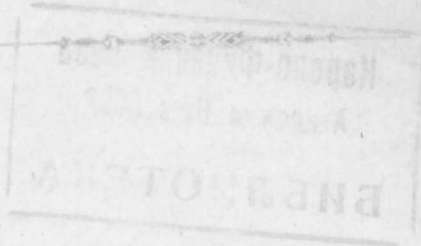
ИЗВѢЩІЕ О РАБОТѢ

НАШЕГО МЕТОДА И ЗАДАЧА

Въ извѣщеніи о работѣ нашего метода и задачѣ

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета.
Деканъ Д. Бляевъ.

Въ извѣщеніи о работѣ нашего метода и задачѣ

1881

Первый изъ языковъ славянскихъ, въ которомъ...

Мм. Гг. Открывая чтеніе по церковнославянскому языку и другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, одному изъ отдѣловъ науки славяновѣдѣнія или славянской филологіи, въ своей вступительной лекціи я намѣреваюсь предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній о языковѣдѣніи и славяновѣдѣніи вообще, охарактеризовать въ общихъ чертахъ предметъ нашихъ занятій и опредѣлить его отношеніе къ другимъ, близкимъ.

Наука, часть которой собственно составляетъ избранный нами предметъ,—языковѣдѣніе, частіе же—ислѣдованіе языковъ славянскихъ.

Языковѣдѣніе есть наука—это первая часть опредѣленія. Какъ наука, оно имѣетъ ту же самую цѣль, именно познание истины, и тѣ же самыя средства, что и другія науки, именно индукцію и дедукцію. Успѣхъ языковѣдѣнія подобенъ успѣху другихъ наукъ: преслѣдуя истину, человекъ выходитъ иногда за предѣлы прамого пути и то, что онъ теперь считаетъ истиной, современемъ можетъ быть невѣрнымъ. Эти обстоятельства однакоже не извиняютъ научнаго скептицизма, въ которомъ можно бы насъ попрекнуть, когда среди всѣхъ перемѣнъ мнѣній и взглядовъ еще остается достаточное количество истины, которая всегда считалась вѣрной. И тогда даже, когда мнѣнія ученыхъ на взглядъ совершенно мѣняются и прежнія теоріи окончательно отбрасываются, въ новыхъ взглядахъ и теоріяхъ фигурируютъ знанія, основанныя на старыхъ. Это видимъ на примѣрѣ.

Рядомъ существуютъ два вида корней въ языкахъ:
 $\lambda\iota\pi$ и $\lambda\epsilon\iota\pi$ = rik и ra ik, чѣтѣ и число
 $\pi\nu\theta$ и $\pi\epsilon\nu\theta$ = bhudh и bha udh, схнѣ и соухѣ (су = a₂ u)
 $\delta\rho\alpha\chi$ и $\delta\epsilon\rho\alpha\chi$ = drk и da rk, жажда и жадѣ
 $\tau\alpha$ и $\tau\epsilon\nu$ = tn и ta n, жѣмѣ(?) и жатѣ
 $\pi\tau$ и $\pi\epsilon\tau$ = pt и pa t, тѣщи(?) и текѣ

Первый вертикальный рядъ представляютъ корни въ болѣе краткой формѣ, а второй—въ болѣе полной. Для такихъ корней, какъ первый и второй, принято было считать краткую форму первичной, а изъ нея, посредствомъ гунн, произошла полная форма. Для такихъ, какъ четвертый и пятый, первичной считается полная форма. Если утверждать, что *i* *поднимается* въ *ai*, и въ *au*..., то нужно быть послѣдовательнымъ и допускать, что и *t* *поднимается* въ *at*. Де Соссюромъ, въ *Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes* (Leipsik, 1879), вполне доказано предположеніе, что для всѣхъ корней первичной должна быть форма полная, а краткая произошла уже изъ полной путемъ исчезновенія *a*. На взглядъ эти истины противорѣчатъ одна другой; первая теорія, низвергаясь, покрывается послѣдней. Однако онѣ имѣютъ въ себѣ то весьма важное общее, что обнимаютъ извѣстный рядъ явленій и явленія этого порядка признаны подобными другъ другу. А упорядоченіе явленій и понятій и есть одна изъ главныхъ задачъ всякаго научнаго изслѣдованія.

Опредѣливъ языковѣдніе какъ науку, мы предложили только часть опредѣленія: нужно еще выдѣлить его изъ ряда прочихъ наукъ и, представивъ сходства, указать особенности, отличающія его отъ другихъ наукъ. Извѣстно, что науки различаются между собой по предмету изслѣдованія. Что же составляетъ предметъ изслѣдованія языковѣда?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, приходится остановиться на томъ, что вообще составляетъ предметъ науки. Анатомія и физиологія стремятся познать строеніе и функцію органовъ человѣка, но гдѣ же этотъ *человѣкъ*, общій, нормальный, а не тотъ, какой нибудь опредѣленный, не одинъ изъ тѣхъ, секцію которыхъ производятъ постоянно въ анатомическихъ театрахъ и кабинетахъ. Анатомія и физиологія согласны въ томъ, что такого человѣка на свѣтѣ нѣтъ: онъ есть только въ отвлеченномъ понятіи, полученномъ благодаря индукціи. Такое понятіе о нормальномъ человѣкѣ и есть собственно предметъ этихъ наукъ. Это понятіе или идея человѣка, въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи, пришло въ извѣстную логическую связь съ другими понятіями о вещахъ, тоже только идеальнымъ. Такимъ образомъ науки имѣютъ дѣло съ понятіями, соответствующими дѣйствительно существующимъ предметамъ, самое же сложеніе понятій обязано

своимъ происхожденіемъ наблюденію явленій и по большей части предшествуетъ научному изслѣдованію. Прежде чѣмъ явилась, напр., анатомія и физиологія, понятіе человѣка было уже готово. Эта *идеальность* науки еще яснѣе видна на другомъ примѣрѣ. Языкъ есть сумма дѣйствительныхъ явленій, сумма дѣйствительныхъ фактовъ, есть, скажемъ, функція его отдѣльныхъ носителей, людей. Какого нибудь абсолютно общаго языка, одинаковаго у всѣхъ индивидовъ, собственно нѣтъ: каждый изъ людей говоритъ по-своему, съ ему только присущими свойствами, и вносить въ общую урну *языкъ* свою долю особенностей. Въ цѣлости языкъ того и другаго народа есть только въ отвлеченномъ понятіи, полученномъ, благодаря индукціи, послѣ наблюденія рѣчи отдѣльныхъ индивидовъ данной народности. То, что имѣетъ въ головѣ человѣкъ изъ своего языка, суть только обломки цѣлаго. Языкъ индивида развивается въ обществѣ, а языкъ общества не развивается, а имѣетъ свою исторію. Такимъ образомъ науки касаются не явленій, а только идеальныхъ понятій этихъ явленій и отношенія ихъ другъ къ другу.

Понятія одни обнимаютъ понятія другія. Такъ общее понятіе языка обнимаетъ собою и рѣчь, и письмо, и жесты, и отношеніе произносимаго къ мысли.... Понятіе рѣчи будетъ предметомъ особаго отдѣла—ученія о *членораздѣльной* рѣчи; понятіе самаго письма будетъ предметомъ *графики*; понятіе жестовъ и движеній будетъ предметомъ *миимики*; отношеніе звука къ мысли разсматривается въ *психології* рѣчи....

Понятіе языка есть предметъ языковѣднія. Но въѣдъ для того, чтобы сложилось у насъ понятіе, необходимо наблюденіе явленій языка, необходимъ подборъ фактовъ, необходимъ матеріалъ, необходимо, слѣдовательно, изученіе языковъ, о категоріяхъ которыхъ мы желаемъ составить себѣ научное понятіе и разсуждать теоретически. А языковъ много на свѣтѣ и они, имѣя историческое прошлое, разбросаны географически до разныхъ концовъ земнаго шара. Поэтому, пожалуй, въ силу простой физической невозможности изучить всѣ языки¹⁾, началось раздѣленіе труда, явились спеціальности: отдѣльные ученые сосредоточиваютъ свое внима-

¹⁾ Положимъ, для нашихъ цѣлей достаточно знаніе языковъ и ихъ точное пониманіе, свободное же владѣніе ими въ разговорной рѣчи и на письмѣ, хотя бы весьма желательно, но не необходимо.

ніе только на нѣкоторыхъ группахъ языковъ и ихъ разсматриваютъ съ общей точки зрѣнія. Такъ, болѣе всѣхъ обратили вниманіе науки и явились въ специальныхъ изслѣдованіяхъ группы языковъ, носители которыхъ принадлежатъ къ самымъ культурнымъ и болѣе вліятельнымъ племенамъ, пріобрѣтшимъ въ исторіи міровое значеніе: языки индоевропейскіе, семитическіе, угрофинскіе и турецкотатарскіе. Преимущественно же поучительно изученіе первой группы, т. е. *индоевропейской*. Она, послуживъ органомъ цивилизаціи индійской, греческой, римской..., служитъ и теперь органомъ современной цивилизаціи, дольше всѣхъ, пожалуй, живетъ и прошла черезъ наибольшее число фазисовъ и періодовъ. Къ ней принадлежатъ семьи: индійская, армянская, греческая, италійская, кельтская, германская и *балтійско-славянская*. Понятіе явленій отдѣльныхъ языковъ этой группы, составляя въ общемъ предметъ языковѣднія, является также предметомъ специальныхъ наукъ. Отсюда, на ряду съ языковѣдами вообще, будутъ санскритисты, армянисты, классики, слависты....

Понятіе языка индоевропейской группы складывается изъ понятій явленій языковъ, ее составляющихъ. И это будетъ предметомъ *грамматики* языковъ индоевропейской группы. Явленія, наблюдаемыя въ отдѣльныхъ словахъ, разсматриваются въ первомъ отдѣлѣ грамматики — *этимологіи*, а сочетаніе словъ въ предложенія и соединеніе предложеній между собой изслѣдуется въ *синтаксисѣ*, другомъ отдѣлѣ грамматики. Обѣ эти части взаимно тѣсно связаны. Первая распадается въ свою очередь на отдѣлы: 1) *Фонетику* — ученіе о звукахъ, какъ простѣйшей единицѣ языка, безъ опредѣленно связаннаго съ ней значенія, о звукѣ въ словѣ; 2) *Морфологию* — ученіе о формахъ словъ и ихъ измѣненіи, какъ средствѣ для выраженія той или другой идеи. Сюда входитъ и *тема-тология* — ученіе объ основахъ, куда относится и образованіе словъ. Затѣмъ слѣдуетъ *семазіология*. Въ ней изслѣдуется отраженіе внѣшняго міра на внутреннемъ состояніи человѣка и выраженіе этого въ формахъ языка.

Это главные отдѣлы науки о языкѣ и главные виды языковѣднія. Къ нимъ также присоединяется и составляетъ какъ бы вступленіе и подкладку науки языковѣднія *физиология звуковъ* (*Lautphysiologie*), вѣрнѣе *физиология рѣчи*. Наука эта, пользуясь методомъ физиологіи, изслѣдуетъ возможно точнымъ образомъ, какъ произносятся звуки, звуко-

вые сочетанія и слова, опредѣляетъ способъ участія организма при произношеніи звуковъ человѣческой рѣчи и сообразно этому производится классификація звуковъ и физиологическій анализъ рѣчи. Этотъ отдѣлъ сильно стремится къ самостоятельности и теперь уже имѣетъ особыхъ специалистовъ и изслѣдователей, какъ изъ медиковъ и естественниковъ, такъ и изъ языковѣдовъ¹⁾. Что и весьма понятно съ большимъ умственнымъ развитіемъ человѣка и при большей возможности различенія и познаванія мельчайшихъ разницъ и подробностей явленій.

Языковѣдніе обыкновенно отождествляется съ филологіей и съ практическимъ знаніемъ языковъ.

Постараемся опредѣлить отношеніе языковѣднія къ наукамъ филологическимъ и отличіе языковѣда отъ практическаго знатока языковъ съ одной стороны и филолога съ другой.

При изученіи языковъ можетъ преслѣдоваться тройная цѣль: Первая — когда языкъ изучается какъ необходимое средство для сношеній съ окружающими, живымъ міромъ. При этомъ сознательное отношеніе къ явленіямъ языка, глубокое пониманіе внѣшней его формы, звуковой (произношенія), и ея отношенія къ внутренней сторонѣ, содержанію (значенію), не играетъ никакой роли, желательно только практическое знаніе, возможность безъ затрудненій объясняться на извѣстномъ языкѣ, возможность взаимнаго пониманія индивидовъ, возможность, такъ сказать, уложить форму своихъ мыслей въ форму мыслей индивидовъ, принадлежащихъ къ какой либо иной группѣ, къ другому языку.

¹⁾ Bell, Brücke, Czermak, Grützner, Hoffory, Kudelka, Merkel, Passavant, Passy (предсѣдатель французскаго фонетическаго общества Passy, P., Les sons du français, leur formation, leur combinaison leur représentation. Paris, 1887), Purkyně, Sievers, Sweet, Rumpelt, Winteler, Богородицкій, В. А. (его работы и другихъ въ Русск. Фил. Вѣстн.), Камскій А. (его статьи и другихъ въ Фил. Зап.), Ландиеръ, Туловъ и др.

Tschmer, F., Phonetik. I и II (съ указаніемъ литературы по физиологіи рѣчи, стр. 94—107). Leipzig, 1880; Бодуэн де Куртене, П. А., Подробная программа лекцій в 1877—1878 уч. году. Казань 1881. (Стр. 69—84, гдѣ исчислены и важнѣйшія пособія по части физиологіи рѣчи); Vietor, W., Phonetische Studien. Zeitschrift für wissenschaftliche und praktische Phonetik... Marburg in Hessen 1887 и др.

Другая цѣль — когда языкъ является средствомъ къ изученію духовной жизни народа, къ точному научному пониманію, объясненію и критикѣ, напр., литературныхъ памятниковъ народа. Это чисто филологическая цѣль.

Наконецъ третья цѣль — когда языкъ изучается только для самого языка. Эта самая высшая цѣль изученія языка. Она отличается отъ двухъ первыхъ тѣмъ, что тутъ изучающій не ограничивается однимъ знаніемъ языка, онъ разсматриваетъ его исторію, разслѣдуетъ его происхождение и дальнѣйшее развитіе. Онъ не стѣсняется также областью одного даннаго языка, а выходитъ за его предѣлы и изслѣдуетъ его сообразно съ его отношеніемъ къ говорящимъ, на немъ индивидамъ и въ связи съ другими языками.

Такимъ образомъ въ первомъ случаѣ интересъ сосредоточенъ только на какъ можно болѣе легкомъ воспроизведеніи языковъ, безъ всякой попытки ихъ глубокаго анализа; слѣдовательно понятіе о языковѣдѣ, какъ практическомъ знатокѣ языковъ, нельзя смѣшивать съ понятіемъ о языковѣдѣ, какъ ихъ научномъ изслѣдователѣ.

Нельзя также отождествлять и филологію съ языковѣдѣмъ. Это значитъ, съ одной стороны, суживать кругъ вопросовъ филологіи, такъ какъ филологія занимается всѣми проявленіями духовной жизни извѣстнаго народа, а не однимъ только языкомъ, съ другой же стороны — слишкомъ расширять этотъ кругъ, такъ какъ филологія ограничивается до сихъ поръ извѣстнымъ народомъ или извѣстной группой народовъ, а языковѣдѣніе въ общей сложности изслѣдуетъ языки всѣхъ народовъ. Филологія представляетъ не однородную, цѣльную науку, а собраніе частей разныхъ наукъ. Туда входитъ языкознаніе, міеологія, исторія литературы, исторія культуры и т. д. Всѣ онѣ соединены въ одно цѣлое тожествомъ носителей этихъ разнородныхъ явленій, въ разборѣ которыхъ состоятъ научные вопросы и задача филологіи. Отсюда филологія возможна санскритская, классическая, славянская, германская, романская, финская, татарская и т. п. Для филолога центромъ, около котораго группируются всѣ его знанія, являются такимъ образомъ одни и тѣ же носители всѣхъ проявленій духовной жизни, одни и тѣ же народы, изслѣдованія же языковѣда сосредоточиваются на одной только сторонѣ проявленій, именно на языкѣ, и

разные народы связываются въ одно цѣлое однородностью этой стороны духовной жизни.

Филологія, и такъ, наблюдаетъ и изучаетъ жизнь народа во всѣхъ ея проявленіяхъ, на долю же языковѣдѣнія выпадаетъ только языкъ. Дѣйствительное пониманіе частныхъ, обслѣдованныхъ филологіей, различій и сходствъ, причинъ и слѣдствій языковыхъ явленій приводится языковѣдомъ къ одному знаменателю, классифицируется и строится общее понятіе взаимнаго отношенія языковъ, формъ, процессовъ и факторовъ, заправляющихъ языковыми явленіями.

Опредѣливъ приблизительно родъ занятій языковѣда и филолога, научное направленіе и отношеніе къ другимъ близкимъ наукамъ, отвѣтимъ на вопросъ о матеріалѣ для научныхъ изслѣдованій.

Непосредственнымъ источникомъ, источникомъ первой важности, изъ котораго языковѣдъ такъ же, какъ и филологъ, можетъ черпать себѣ матеріалъ, являются *живые народы*, наблюдаемые и изучаемые въ всемъ просторѣ и разнообразіи съ точки зрѣнія проявленій ихъ жизни. Такой матеріалъ представляютъ и ихъ языки, живущіе въ своихъ носителяхъ въ настоящее время и доступные каждому изслѣдователю. Сюда относится народный языкъ во всей его полнотѣ, разговорный языкъ всѣхъ слоевъ общества данной народности, какъ простолюдиновъ, такъ и образованнаго класса.

Затѣмъ важнымъ источникомъ и для нѣкоторыхъ народовъ и языковъ даже единственнымъ являются *памятники*, памятники языковъ вымершихъ, письменность, литература и вообще всѣ слѣды языка въ какихъ бы то ни было начертаніяхъ. И теперешняя литература языковъ настоящаго времени представляется для языковѣда важной только какъ памятникъ, какъ изображеніе языка, филологъ же и историкъ черпаетъ изъ нея свѣдѣнія о духовной жизни народа. При памятникахъ давно минувшихъ временъ необходимой помощницей языковѣда и филолога является *палеографія*. По памятникамъ никогда нельзя вполне заключать о языкѣ соответствующаго времени и данныя, почерпнутыя изъ ихъ изслѣдованія, нужно дополнять разсмотрѣніемъ строя и состава даннаго языка въ нынѣшнемъ его состояніи, если онъ существуетъ, а если нѣтъ, то только посредствомъ дедуктивныхъ соображеній и сравненія съ другими языками. Обыкновенно вѣрнѣе передаютъ состояніе языка памятники на-

рода менѣе цивилизованнаго, нежели памятники народа литературно объединеннаго и создавшаго себѣ искусственный литературный языкъ и искусственное правописание. Какъ примѣръ мы можемъ взять настоящую литературу русскую и, напр., сербскую. Въ первой мы видимъ и языкъ литературы иной, нежели разговорный, и болѣе уодноображенное написаніе, а во второй приближеніе къ рѣчи разговорной и письмо фонетическое, болѣе или менѣе соответствующее произношенію.

Разсмотрѣніе явленій языка можетъ быть двойное: или въ порядкѣ однородныхъ научныхъ вопросовъ, или же преимущественно въ порядкѣ генетическаго развитія самаго объекта.

Первое подбирать сходныя явленія въ различныхъ областяхъ человеческой рѣчи, или вообще во всѣхъ доступныхъ изслѣдователю языкахъ, или же въ строю опредѣленной семьи языковъ, или даже въ одномъ языкѣ, и имѣть конечно цѣлью сформулировать и опредѣлить факторы и общія категоріи, объясняя такимъ образомъ явленія и указывая процессы въ языкѣ. Такое разсмотрѣніе свойственно языковѣду.

Второе разсмотрѣніе придерживается естественнаго теченія въ области одного языка, отвлекая и систематизируя все лишь на столько, на сколько это необходимо вообще для пониманія явленій даннаго языка. Оно рисуетъ возможно полную научную картину развитія объекта или съ незапамятныхъ временъ по послѣднее время, или же только въ извѣстный періодъ. Это будетъ разсмотрѣніе филолога, будь то филологъ классикъ, санскритистъ, славистъ, китаистъ, или же какой либо другой.

Исторія языка тѣсно связана съ исторіей его носителей, съ судьбами говорящихъ на немъ индивидовъ, съ судьбами народа. Въ кругъ ея изслѣдованія входятъ распространеніе языка какъ географическое, такъ и этнографическое, влияние иностранныхъ языковъ на данный языкъ и обратно.

Изъ всѣхъ указанныхъ нами семей языковъ индоевропейской группы мы останавливаемся на разсмотрѣніи послѣдней. Предметъ нашихъ занятій *славянское племя*. По происхожденію своему оно принадлежитъ, какъ мы видѣли, къ великому индоевропейскому семейству, какъ и всѣ тѣ

европейскіе народы, которые были главнѣйшими дѣятелями античной и современной цивилизаціи. Языковѣдніе раскрыло тѣснѣйшую связь славянскихъ языковъ съ прочими языками индоевропейскаго корня и указало первые начатки славянской культуры еще въ древнемъ наслѣдіи общаго индоевропейскаго источника. Это могло бы доказать полную равноправность славянскаго племени въ европейской средѣ, если бы она достаточно не доказывалась фактически участіемъ и успѣхами славянства въ общечеловѣческомъ развитіи.

Наукой не выяснено постепенное выдѣленіе племенъ изъ индоевропейскаго корня, но изслѣдователи согласны въ томъ, что ближайшей группой, къ которой принадлежало славянство была группа балтійская или иначе литовская. Такимъ образомъ имѣются два племенные типа, которые стоятъ между собой въ наиболѣе близкомъ родствѣ: литовцы съ своими собратьями латышами и древнепрусами¹⁾ и славяне. Наконецъ, затѣмъ, славянство представляетъ особое цѣлое и въ свою очередь является основнымъ корнемъ многоразличныхъ нарѣчій и говоровъ, существующихъ теперь, а также и нѣкоторыхъ уже вымершихъ.

Вопросъ о мѣстѣ древнѣйшихъ славянскихъ поселеній въ Европѣ до сихъ поръ крайне теменъ. По предполагаемому порядку выдѣленія языковъ, Славяне должны были находиться ближе къ азіатской родинѣ, чѣмъ, напр., Германцы, слѣдовательно на востокъ отъ нихъ. Полагаютъ, что первоначальнымъ гнѣздомъ ихъ была мѣстность между верховьями Дона и Днѣпромъ и за Днѣпръ, къ восточному берегу Балтійскаго моря и средней Вислѣ, на югъ не далѣе Припяти. Затѣмъ расселеніе ихъ было въ сѣверномъ, южномъ и западномъ направленіяхъ. На сѣверѣ и востокъ отъ нихъ жили финскія племена, на западѣ Германцы, на югѣ были римскія владѣнія, на юго-востокъ къ Черному морю скитались орды не-индоевропейскаго происхожденія, которыя были вытѣснены изъ своихъ жилищъ Скиоами и Сарматами.

Какимъ образомъ произошло расселеніе самаго славянскаго племени, послѣ неизвѣстно когда случившагося прихода въ Европу, остается неяснымъ. Въ народныхъ пѣсняхъ и сказаніяхъ Русскіе сохранили только темную память о

¹⁾ Языкъ ихъ извѣстенъ только въ памятникахъ.

Дунай; Чехи помнили, что ихъ предки пришли въ чешскую землю черезъ три рѣки; Сербы и Хорваты знали только о своемъ приходѣ изъ Бѣлой Сербіи и Хорватіи за Карпатами, но какъ жили они прежде, откуда и когда появились они въ этой старой родинѣ, этого, можетъ быть, не помнили они и въ то отдаленное время, до котораго достигаютъ наши памятники.

Первымъ историческимъ событіемъ, которое ясно освѣщаетъ намъ исторію славянскихъ племенъ, было христіанство. Главная эпоха его введенія была для Славянъ въ IX—X столѣтіяхъ, хотя первые начатки его должно предположить гораздо раньше этого времени, а окончательное установленіе нѣсколько позднѣе. Эти вѣка были также и временемъ образованія государствъ, или, по крайней мѣрѣ, временемъ болѣе тѣснаго политическаго сплоченія племенныхъ массъ. Въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ можно отличать тѣ главныя нарѣчія, на которыя славянскій языкъ распадется въ наше время. Словомъ, историческая жизнь застаетъ славянскія племена уже развившимися въ отдѣльные типы, разнообразіе которыхъ достаточно объясняется различіемъ естественныхъ условій ихъ географическаго распредѣленія — отъ сѣверныхъ новгородскихъ окраинъ до земель Балканскаго полуострова и Адриатическаго поморья — и разнообразіемъ ихъ историческихъ столкновеній съ племенами крайняго востока съ одной стороны и съ племенемъ германскимъ, Римомъ и Византіей — съ другой.

Славянскіе этнографы дѣлятъ всю великую массу славянства, какъ по языку, такъ и по правамъ и обычаямъ, на вѣтви: юговосточную и западную. Къ первой принадлежатъ *Русскіе*, подраздѣляющіеся на Великоруссовъ (съ Бѣлоруссами, какъ великорусской разновидностью) и Малоруссовъ, *Болгары*, *Сербы*, подъ которыми разумѣются собственно Сербы и Хорваты, и *Словинцы*, въ діалектическомъ отношеніи весьма пестрая масса. Ко второй вѣтви — западной — относятся: *Поляки*, *Чехи* съ *Словаками*, *Лужицане*, верхніе и нижніе, исчезнувшее племя *Славянъ Полабскихъ* и нынѣ въ небольшомъ количествѣ живущіе *Кашубы*. Это отличіе славянскихъ вѣтвей все больше и больше обозначалось въ теченіе исторической жизни племенъ, которая ставила ихъ въ различныя условія, давала разное направленіе ихъ національнымъ свойствамъ и тѣмъ сильнѣе оттѣняла первоначальныя

племенные дѣленія. Такимъ образомъ вышла отдѣльная вѣтвь славянскихъ вѣтвей, составившихъ современное разнообразіе языковъ, нарѣчій и говоровъ.

Славянскіе языки, какъ это доказываетъ языковѣднѣе, сохранили — особенно въ своихъ древнѣйшихъ памятникахъ, а также областныхъ нарѣчіяхъ — много слѣдовъ самой отдаленной старины. Въ сравненіи съ другими языками европейскими, они представляютъ ту общую черту, что, когда въ другихъ европейскихъ языкахъ являются такъ называемыя *аналитическія* формы, въ славянскихъ преобладаютъ болѣе древнія формы *синтетическія*. Однимъ словомъ, языки славянскіе отличаются характеромъ болѣе консервативнымъ и потому для насъ, напр., старые памятники языка гораздо доступнѣе, чѣмъ для нѣмца — старые нѣмецкіе. Но разложеніе синтетическихъ формъ проявляется и въ славянскихъ языкахъ. Въ такой стадіи находится, напр., теперь языкъ болгарскій, который утратилъ падежное склоненіе и развитъ препозиціонную падежную флексію, потерялъ много глагольных формъ и т. п. Да и наши русскіе говоры представляютъ не мало примѣровъ подобнаго явленія.

Современныя нарѣчія на первый взглядъ сильно отличаются другъ отъ друга, но связь ихъ легко понимается при сравнительномъ ихъ разсмотрѣніи и объясненіи ихъ изъ сопоставленія ихъ звуковъ и формъ съ болѣе древними формами, какія особенно представляетъ языкъ церковнославянскій. Изученіе нарѣчій становится болѣе легкимъ, если изучающій изслѣдуетъ ихъ сравнительно, анализируетъ и отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, какое направленіе приняло то или другое измѣненіе звуковъ въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ сравнительно съ церковнославянскимъ, напримѣръ, и вообще въ отношеніи къ языкамъ индоевропейскимъ. Едва ли не главнѣйшую трудность при изученіи представляетъ словарь нынѣшнихъ языковъ славянскихъ. Къ старому запасу словъ, общему этимъ языкамъ до нынѣ, прибавлялись въ каждомъ новообразованіи, при полной раздѣльности ихъ исторіи, эти новыя образованія совершались различно, между прочимъ, подъ вліяніемъ другихъ культурныхъ или соедѣнныхъ языковъ. Въ польскій и чешскій и другія западныя нарѣчія вошло много словъ нѣмецкихъ или появилось не мало новыхъ словъ, построенныхъ по образцу нѣмецкихъ; въ сербскій и болгарскій вошло много словъ ту-

рецкихъ, греческихъ, албанскихъ; у далматинскихъ Сербовъ есть отчасти слова итальянскія. При новомъ возрожденіи славянскихъ литературъ въ книжный языкъ вошло особенно много словъ новаго образованія, выражающихъ новыя понятія, или переведенныхъ вновь съ нѣмецкаго, французскаго, латинскаго и др.

Научное изслѣдованіе славянскихъ нарѣчій, въ ихъ связи между собой и съ ихъ исторіей, начинается только съ нынѣшняго столѣтія, и особенно, когда возродилась наука сравнительнаго языковѣдѣнія. Первый открылъ путь изслѣдованія знаменитый аббат Добровскій, а его предшественники полагали только гадательно границы, раздѣляющія по языку все славянское племя на группы. Ближайшими преемниками Добровскаго были Востоковъ и Копитаръ. Востоковъ въ особенности бросилъ яркій свѣтъ на исторію развитія славянскихъ языковъ, именно въ то самое время, когда Яковъ Гриммъ началъ свои работы по германскому языку. Труды сравнительныхъ грамматиковъ Боппа, Потта, Шлейхера, Куна и въ новѣйшее время Шмидта, Фика, Асколи, де Соссюра, Бругмана, Остгофа, Пауля и др. также не остались безслѣдными для славяновѣдѣнія: они касались славянскаго отдѣла въ его принадлежности къ индоевропейскому корню. Въ послѣдующемъ поколѣніи славянскихъ филологовъ замѣчательныя общія изслѣдованія принадлежатъ: Бодуэну де Куртене, Брандту, Гильфердингу, Григоровичу, Дювернуа, Кочубинскому, Лавровскому, Петровскому, Срезневскому, Гебауэру, Лескину, Шафарику, Миклошичу, Ягичу¹⁾ и др., ра-

¹⁾ *Бодуэнъ де Куртене*, Нѣкоторые отдѣлы „сравнительной грамматики“ славянскихъ языковъ. Варшава 1881.

Подробная программа лекцій в 1876—1877 и 1877—1878 учебн. году. Казань 1878—1881.

Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ. С.-Петербургъ. 1882.

Брандтъ Романъ, Начертаніе славянской ацентологіи. С.-Петербургъ 1880.

Гильфердингъ, Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ. Москва 1853.

О сродствѣ языка славянскаго съ санскритомъ. С.-Петербургъ 1853.

Григоровичъ, В. И., Славянскія нарѣчія (лекціи), Варшава 1884.

Дювернуа, Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. Москва 1867.

ботавшимъ уже на основаніи сравнительнограмматической подготовки. Слѣдуетъ указать также важнѣйшія частныя изслѣдованія въ области отдѣльныхъ языковъ и нарѣчій. По *церковнославянскому* (старославянскому) языку: Билярскаго, Брандта, Будиловича, Востокова, Крушевскаго, Срезневскаго, Ульянова, Ягича, Видемана, Гейтлера, Ламанскаго, Лескина, Шлейхера, Шолвина²⁾ и др.

Система основныхъ элементовъ и формъ славянскихъ нарѣчій. Москва 1872.

Кочубинскій, Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализация плавныхъ сочетаній: конс. + л, р + ъ — ъ + конс. Одесса 1877.

Лавровскій, П. Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями. Ж. М. Н. Пр. Сп.

Петровскій, М. П., Матеріалы для славянской диалектологіи. (Изв. и учен. Зап. Каз. Унив. 1866 IV и V, 1867 II).

Срезневскій, И. И., Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ Славянъ, (XI и XII в.) С.-Петербургъ 1865.

Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. С.-Петербургъ 1867.

Gebauer, Slovanské jazyky. Porovnávací, výklad hlavních a charakteristických proměn zvukoslovných a tvaru flexivních. U Praze 1869.

Leskien, Die Declination im Slavisch-litauischen und Germanischen. Leipzig. 1876.

Miklosich, Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien. 1868—74.

Šafařík, Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Prag. 1869.

Jagić, Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus (Archiv I (1876) 337—412).

²⁾ *Билярскій*, Судьбы церковнаго языка. С.-Петербургъ 1848.

Брандтъ, Р., Грамматическія замѣтки, печатавшіяся въ Р. Ф. В. съ 1883 г., а потомъ отдѣльнымъ оттискомъ.

Будиловичъ, А., Начертаніе церковно-славянской грамматики. Варшава 1883.

Востоковъ, Грамматика церковно-славянскаго языка. С.-Петербургъ 1863.

Крушевскій, Н. В., Къ вопросу о гунѣ. Изслѣдованіе въ области старославянскаго вокализма. Варшава 1881.

Срезневскій, И. И., Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками Кириллицы. С.-Петербургъ 1866.

Древніе славянскіе памятники юсова письма. С.-Петербургъ 1868.

По русскому языку: Аксакова, Апеля, Бётлинга, Богородицкаго, Бодуэна де Куртене, Буслаева, Бѣлоруссова, Востокова, Грота, Карскаго, Колосова, Лавровскаго, Недешева, Павскаго, Петевни, Соболевскаго, Срезневскаго³⁾ и др.

Ульяновъ, Г. К., Основы настоящаго времени въ старо-славянскомъ и литовскомъ языкахъ. Варшава 1888.

Яничъ, И. В., Образцы языка церковнославянскаго по древнѣйшимъ памятникамъ глаголической и кирилловской письменности. С.-Петербургъ 1882.

Wiedemann O. Beiträge zur althulgar-schen Conjugation. S.-Petersburg 1886.

Geitler, Starobulharská fonologie se stálym zřetelem k jazyku litevskému. Praha 1873.

Leskien, Handbuch der althulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Wiemar. 1886.

Schleicher, A. Formenlehre der kirchenslavischen Sprache Bonn 1852.

Scholvin, Beiträge zur Declination in den pannonisch-slovenischen Denkmälern des Altkirchenslavischen. (Archiv II. 482—569).

³⁾ Аксаковъ, К., Опытъ исторической грамматики русскаго языка О. Буслаева. Русск. Бесѣда. 1859, 5 и 6. Рецензія.

Апель, К., О бѣлорусскомъ нарѣчій. Р. Ф. В. 1880. III.

Бётлингъ, Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ. С.-Петербургъ 1852 (Уч. Зап. Акад. Н.).

Богородицкій, В. А., Курсъ грамматики русскаго языка. Варшава 1887.

Бодуэнъ де Куртене, И. А., Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Воронежъ 1882.

Буслаевъ, О., Историческая грамматика русскаго языка. Москва 1875.

Бѣлоруссовъ, Н., Объ особенностяхъ въ языкѣ жителей Вологодской губерніи. Р. Ф. В. 1887. XVIII.

Востоковъ, Русская грамматика. С.-Петербургъ 1859.

Гротъ, Я. К., Филологическія розысканія. С.-Петербургъ 1876.

Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго до нынѣ. С.-Петербургъ 1876.

Карскій, Е. О., Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Москва 1886.

Колосовъ, М. А., Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія. С.-Петербургъ 1876, 1877.

Матеріалы для характеристики сѣверно-великорусскаго нарѣчія (Варш. Унив. Изв. 5. 1874 г.).

Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI ст. Варшава 1872.

По болгарскому: Драганова, Дринова, Караджича, Милошича, Милетича, Цанковых⁴⁾ и др.

По сербскому: Будмани, Даничича, Караджича, Кристиановича, Мазинга, Новаковича, Шахматова, Ягича⁵⁾ и др.

Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава 1878.

Лавровскій, П., О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей. С.-Петербургъ 1852.

О русскомъ полногласіи. Матеріалы для словаря и грамматики ... Томъ V.

Недешевъ, И., Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. Р. Ф. В. 1884. XII.

Павскій, Г., Фолологическія наблюденія. 1850.

Потебня, А. А., Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. Воронежъ 1866.

Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій. Воронежъ 1871.

Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Воронежъ 1876.

Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Харьковъ 1889.

Соболевскій, А., Изслѣдованія въ области русскаго правописанія. Р. Ф. В. 1881 VI...

Очерки изъ исторіи русскаго языка. Кіевъ 1884.

Срезневскій, И. И., Мысли объ исторіи русскаго языка. С.-Петербургъ 1849.

Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV). С.-Петербургъ. 1866.

⁴⁾ Драгановъ, П. Д., Носовые гласные звуки въ современныхъ македонско-славянскихъ и болгарскихъ говорахъ. Р. Ф. В. 1888 XIX.

Дриновъ, М. С., Нѣсколько словъ о языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ дебрскихъ славянъ. С.-Петербургъ 1888.

Караџићъ, Додатакъ къ санктпетербургскимъ сравнительнымъ рѣчицима с особитимъ огледима бугарскаго језика. Беч 1822.

Miklosich, Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen. Wien 1856

Милетичъ, Ј., Членъ въ българския езикъ. Период. спис. XXI—XXII, 305—331, XXVII. 378. 410.

Kyriak Cankof, A. u D., Grammatik der bulgarischen Sprache. Wien. 1852.

⁵⁾ Budmani, Grammatica della lingua serbo-croata (illirica) Vienna 1867.

Даничичъ, Разлике између језика Србскога и Хрватскога. Гласник друштва Србске словесности. Св. IX. У Београду 1857.

По словинскому: Бодуэна, Вымазала, Гатталы, Облака, Янежича⁶⁾ и др.

По польскому: Аппеля, Бодуэна де Куртенэ, Калины, Макушева, Малецкого, Малиновского⁷⁾ и др.

Србска синтакса. У Београду 1858.

Граматика србска или хрватска. У Загребу 1872.

Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека. У Биограду 1874.

Основе српскога или хрватскога језика. У Биограду 1876.

Караџић, Српска граматика. У Бечу 1818.

Примјери српско-словенског језика. У Бечу 1857.

Kristianowitsch, Grammatik der kroatischen Mundart. Agram 1837.

Masing, L., Die Hauptformen des Serbisch-chorwaischen Accents C.-Petersbourg 1876.

Mažuranić, O važnosti accenta hrvatskoga za historiju Slavyanah 1860.

Slovnica Hrvatska. U Zagrebu 1869.

Новаковић, Српска граматика за ниже гимназије и реалке у Кнежевини Србији, У Београду 1879, 1880.

Физиологија гласа и гласови српскога језика. У Београду 1873.

Шахматовъ, А., К исторіи сербо-хрватскихъ удареній. Р. Ф. В. 1888 XIX.

Jagić, Grammatika jezika hrvatskoga U Zagrebu 1864.

Iz prošlosti Hrvatskoga jezika (Knjiž. I 332—358, 447—485).

Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jeziku, U Zagrebu 1869.

⁶⁾ Бодуэн де Куртенэ, И. А., Отчеты командированного М. Н. Пр. за границу... вып. I и II. Казань 1876, 1877.

Vymazal, Fr., Gramatické základy jazyka slovinského. U Brně 1885.

Hattala, Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského U Praze 1857.

Zvukosloví jazyka staro-i novo-českého a slovenského. U Praze 1854.

Mluvnice jazyka slovenského. Pešt 1864.

Janežič, Slovenska slovnica. U Celovcu 1864.

⁷⁾ Аппель, К., О говорах польскаго языка. Р. Ф. В. 1879. II. Замѣтки о древне-польскомъ языкѣ. Р. Ф. В. 1880. III и IV.

Бодуэн де Куртенэ, И. А., О древне-польскомъ языкѣ до XIV ст. Лейпцигъ 1870.

По чешскому: Гатталы, Гебауэра, Иречка, Кубле⁸⁾ и др.

По лужицкому: Бука, Гурника, Гордана, Новикова, Пфуля, Шнейдера⁹⁾ и др.

По полабскому—Шлейхера и специально по кашубскому—Гильфердинга, Бискупскаго¹⁰⁾

Kalina, Historyja języka polskiego, I. Lwów 1883.

Макушевъ, В. В., Чтение о старопольской письменности. Р. Ф. В. 1879. I.

Małeckí, Gramatyka historyczno-porównawcza języka polskiego 2 tomy) Lwów 1879.

Malinowski, Krytyczno-porównawcza gramatyka języka polskiego z dzisiejszego stanowiska lingwistyki porównawczej. Poznań 1869.

Nehring, Altpolnische Sprachdenkmäler. Systematische Uebersicht, Würdigung und Text. Ein Beitrag zur slavischen Philologie. Berlin 1886.

Cf. K. Appel i A. A. Kryński. Przegląd bibliograficzny prac naukowych o języku polskim. Warszawa 1886.

⁸⁾ Hattala, Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského U Praze 1857.

Gebauer, Příspěvek k historii českých samohlásek. U Praze 1870. Příspěvky k historii českého pravopisu a výslovnosti staročeské. U Praze 1871.

Hláskosloví jazyka českého. U Praze. 1877.

Jireček J., Podřeči východních Čech. Časopis musea kválovství českého 1863.

Кубле, Podřeči Severních Čech. Čas. m. kr. česk. 1864.

⁹⁾ Бука, Voces tum consonantes linguae Sorabicae in Lusatia superiore. Bubissae 1852.

Hörnig, Reč o písemnictví lužických Srbův. Čas. mus. kr. česk. 1856.

Jordan, Grammatik der wendischserbischen Sprache in der Oberlausitz. Prag. 1841.

Новикова, О важнѣйшихъ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій. Москва 1849.

Pfuhl, Hornolužiska serbska ryčnica na přiručowacym stejiscu. Čas tow. Macicy sorbskeje. W Budyšinje 1861.

Laut-und Formenlehre der oberlausitz-wendishhen Sprache. Bautzen 1867.

Schneider, Grammatik der wendischen Sprache katholischen Dialekt's. Budissin 1853.

¹⁰⁾ Schleicher, Laut-und Formenlehre der Polabischen Sprache S.-Petersburg 1871.

Кромѣ того нужно обратить вниманіе на то, что не мало статей и работъ по славяновѣдѣнію имѣется въ специальныхъ журналахъ: Archiv für slavische Philologie (Berlin), Listy filologické a pedagogické (v Praze), Prace filologiczne (Warszawa), Русский Филологическій Вѣстникъ (Варшава), Филологическіе Записки (Воронежъ), Извѣстія С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества (С.-Пбургъ), Rad jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti (U Zagrebu) Периодическо Списание на българското книжно дружество въ Сръдецъ, Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii umiejętności (w KwaKowie) и подобн. По исторіи славянскихъ литературъ можемъ указать на сочиненіе *Пытина* и *Спасовича*: Исторія славянскихъ литературъ. Томъ I и II. С.-Петербургъ 1879, 1881; *Krek*: Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. Graz 1887.

Принятіе христіанства, какъ извѣстно, было первымъ важнымъ событіемъ въ историческомъ прошломъ славянства. Съ него начинается и первая славянская грамота, первое образованіе, открывшее возможность литературнаго развитія, потому что о *чертахъ и рѣзахъ*, которыми писалось у Славянъ до христіанства, неизвѣстно ничего. Исторія славянскаго христіанства связана главнымъ образомъ съ знаменитыми именами святыхъ Константина, принявшаго за 50 дней до своей кончины († 14 февраля 869 года) монашество и имя *Кирилла*, и *Меводія*, съ ними же связана и исторія весьма древняго и для языковѣдѣнія вообще и славяновѣдѣнія въ частности весьма важнаго языка церковнославянскаго.

Зародыши письменности существовали у Славянъ задолго еще и до Кирилла, какъ это подтверждаетъ Черноризецъ Храбръ въ своемъ сочиненіи „О письменехъ“. Онъ различаетъ даже тройкую систему докилловскаго пись-

Гиллфердингъ, Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря.

Biskupski, Beiträge zur slavischen Dialektologie. I. Die Sprache der Brodnitzer Kaschuben im Kreise Karthaus. 1 Heft. Die Lautlehre. Leipzig 1883.

ма: азбуку „черты и рѣзы“, греческую и римскую. Потомъ же чловекомовьць когъ... посъла имъ¹⁾ сватааго Константина философа... и сътвори имъ письма три десаѣ и осмь, ова оубо по чиноу грѣчскихъ писмьнъ, ова же по словѣньстѣи рѣчи... Потъ сихъ сжъхъ четири междоу десаѣма подобна грѣчскимъ писмьнъмъ; сжъхъ же сина: а, в, г, д, е, з, и, ѡ, ї, к, л, м, н, ѣ, о, п, р, с, т, у, ф, х, ѱ, w, а четири на десаѣ по словѣньскоу азъжкоу, таже сжъхъ сина: б, ж, ѣ, ц, ч, ш,²⁾ ѱ, з, ѡ, ѣ, ѣ, ю, ж, а.

Какой народъ говорилъ на языкѣ церковнославянскомъ (старославянскомъ), до сихъ поръ предметъ споровъ. Всѣ мнѣнія расходятся. Главная причина этого въ маломъ знакомствѣ съ славянскими нарѣчіями, какъ въ географическомъ, такъ и въ историческомъ отношеніи: одни односторонне пользуются въ своихъ изысканіяхъ данными діалектогій, а другіе матеріаломъ памятниковъ. Существуетъ главнымъ образомъ двѣ гипотезы:

первая *паннонская*—въ пользу паннонскихъ славянъ и вторая *болгарская*—въ пользу болгарскихъ славянъ.

Первой гипотезы держится особенно устойчиво только одинъ изъ живущихъ нынѣ славистовъ: Миклошичъ (въ Вѣнѣ). До него держались того же мнѣнія Копитаръ и Шафарикъ. Вторая гипотеза имѣла всегда больше послѣдователей на юго-востокѣ.

Не примыкая ни къ тѣмъ, ни къ другимъ сторонникамъ, послѣ разсмотрѣнія ихъ доводовъ и сужденій и по сравненіи языка церковнославянскаго съ живыми славянскими говорами, можно сказать, что *церковнославянскій* (старославянскій) языкъ по своей основѣ долженъ быть *тождественъ съ языкомъ Болгаръ* (кажется македонскихъ), но на эту основу, какъ видно изъ самыхъ текстовъ, легъ затѣмъ слой діалектическихъ особенностей, паннонскихъ словъ и оборотовъ, такъ что, съ самаго начала, языкъ богослужеб-

¹⁾ Славянамъ.

²⁾ На вліяніе еврейскаго алфавита въ дѣлѣ „сложенія писмьнъ“ указываетъ буква ш, относящаяся къ категоріи буквъ еврейскаго происхожденія. Что Кириллу еврейскій языкъ знакомъ былъ до составленія славянской азбуки, мы знаемъ изъ его дѣятельности у Хозаръ: въ Пани житіи говорится, что, прибывъ въ Корсунъ, Кириллъ наоучиша тоу жидовскѣи вѣсѣдѣ...

ныхъ книгъ является смѣсю различныхъ элементовъ¹⁾. И это не удивительно и вполне согласно съ ходомъ образования литературныхъ языковъ вообще. Все языки представляютъ собой соединеніе различныхъ наслоеній особенностей, слившихся въ одинъ типъ. Такъ случилось и съ литературнымъ языкомъ Славянъ. Онъ постепенно установился и сталъ распространяться затѣмъ на югъ, западъ и востокъ, какъ языкъ, на которомъ молились Богу, учились и писали Славяне. Это мы знаемъ изъ самой исторіи распространения христіанства и изъ исторіи „прошлаго духовной взаимности“²⁾.

Въ составъ паствы Меодія входила на сѣверо-востокъ земля краковская, и сближала, такимъ образомъ, чешско-моравскихъ Славянъ съ Поляками; на сѣверѣ лужицкіе Сербы первые изъ всѣхъ сѣверныхъ Славянъ приняли проповѣдь просвѣтителя. На югъ, прямо за Дунаемъ начинались болгарскія земли, земли Сербовъ и Хорватовъ. На всемъ этомъ пространствѣ обращались въ массѣ списковъ однѣ и тѣже книги, переведенныя братьями³⁾ и ихъ учениками. Славянскіе народы, раздѣленные географически и политически, были связаны такимъ образомъ между собой общимъ источникомъ просвѣщенія. Одна и таже книга читалась въ Моравіи, Польшѣ и Болгаріи. Церковный языкъ становился литературнымъ языкомъ всего славянскаго міра. Это было тѣмъ легче, что онъ не встрѣчалъ нигдѣ выработаннаго литературнаго языка; къ тому же и фонетическія особенности отдѣльныхъ нарѣчій были, вѣроятно, въ то время не настолько велики, чтобы книжный языкъ одного народа сдѣлать непонятнымъ для другаго, и лексическій запасъ, т. е. слова, изъ которыхъ слагается тотъ или другой языкъ, должно быть, не особенно отличался количе-

¹⁾ Въ дальнѣйшей жизни каждый изъ славянскихъ народовъ, пользуясь языкомъ церковнославянскимъ, какъ языкомъ православія, вносилъ въ него свою долю особенностей и такимъ путемъ, сообразно оттѣнкамъ живой рѣчи славянскихъ племенъ, явились особые языки церковнославянскіе Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ.

²⁾ Смирновъ, И. Н., рѣчь 6 апр. 1885 г.

³⁾ Оба брата (особенно Меодій) съ дѣтства нужно полагать были знакомы съ языкомъ славянскимъ, на которомъ говорили ихъ родичи.

ственно и качественно по отдѣльнымъ странамъ, такъ какъ Славяне находились тогда на одной ступени и матеріальнаго и духовнаго развитія.

Со смертію Меодія (въ 885 г.) въ Моравіи, какъ извѣстно, восторжествовали Нѣмцы и латинство, а черезъ Моравію и Чехію оно распространилось и на Польшу, гдѣ до тѣхъ поръ нѣкоторое время и богослуженіе отправлялось по славянски. Славянскій міръ распался въ культурномъ отношеніи на двѣ части: западную, съ тяготѣніемъ къ Риму, и юго-восточную, съ тяготѣніемъ къ Византіи. Изгнанные изъ Моравіи ученики Меодія переселились въ Болгарію и принесли съ собой переводъ Библіи, почти всей, нѣсколько молитвъ, проповѣдей и т. п. Этотъ матеріалъ быстро разросся въ теченіе X в. Ученики Меодія обогатили болгарскую церковную литературу проповѣдями на годичные праздники, житіями первоучителей похвальными словами и переводами проповѣдей греческихъ проповѣдниковъ и составили, кромѣ того, цѣлую энциклопедію изъ греческихъ, богословскихъ, философскихъ, риторическихъ и историческихъ статей—это такъ называемый сборникъ царя Симеона.

Съ принятіемъ христіанства русскими болгарская литература сдѣлалась мостомъ, соединившимъ Русскихъ и Болгаръ, и на Русь перешли переводы библіи и богослужебныхъ книгъ, житія святыхъ, сборники и т. п. Въ концѣ XII вѣка, при сербскомъ князѣ Неманѣ, христіанство утверждается окончательно въ Сербіи. Одновременно возникаетъ и сербская литература. Сынъ Немана Савва основываетъ на Аѳонѣ монастырь Хиландарь, откуда стали распространяться по всей Сербіи списки и переводы богослужебныхъ и прочихъ книгъ.

Тѣсная литературная связь Сербіи съ Болгаріей сохраняется въ теченіе среднихъ вѣковъ.

Вслѣдствіе литературныхъ сношеній между тремя названными народами образовалась общая болгарско-сербско-русская литература и церковнославянскій языкъ, на которомъ отразились мѣстныя вліянія, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ былъ общимъ литературнымъ языкомъ Сербовъ, Русскихъ и Болгаръ.

Славяне въ христіанствѣ жили и развивались подъ вліяніемъ двухъ просвѣтительныхъ центровъ: Византіи и Ри-

ма. Съ этимъ связана и двойная азбука: письмо кирилловское и славянское богослуженіе принадлежало православнымъ, а латинка и латынь въ богослуженіи—латинянамъ славянамъ.

На западъ черезъ рѣки и горы восточное вліяніе могло пробиваться только лишь съ большимъ трудомъ, а потому византійская письменность могла здѣсь распространяться и утверждаться лишь при особенно благопріятныхъ условіяхъ. И вотъ, въ силу географическаго положенія, западное, а отчасти и южное славянство стало клонить къ западу и вступило съ нимъ въ непосредственныя сношенія, все болѣе и болѣе отдѣляясь отъ востока, а потомъ уже политическая связь заставила Славянъ окончательно подчиниться культурному вліянію запада. Наука запада говорила на латинскомъ языкѣ и онъ водворился у Славянъ, какъ у самихъ Нѣмцевъ, которые не отстали отъ него даже и тогда, когда оставили католицизмъ. Посредствомъ латыни западное славянство непосредственно сблизилось съ европейскимъ образованіемъ и литературой.

Въ иномъ положеніи были восточные Славяне.

Восточное славянство общностью церкви и церковно-литературнаго языка соединилось съ Византіей и подвергалось ея вліянію. Византійское образованіе однако принесло этой половинѣ славянства, къ сожалѣнію, сравнительно меньшую пользу, чѣмъ западное другой. Недостатокъ свободной научной мысли сдѣлалъ византійцевъ только компиляторами и риторамъ, свободное же научное движеніе пошло болѣе на западъ и распадающаяся византійская имперія была плохимъ примѣромъ для юнаго славянства.

Общая литературная жизнь объединеннаго церковно-славянскимъ литературнымъ языкомъ восточнаго славянства текла до тѣхъ поръ, пока южнославянскія царства не кончили своего независимаго существованія. А это случилось въ послѣднихъ столѣтіяхъ среднихъ вѣковъ, бывшихъ эпохой паденія многихъ славянскихъ государствъ. Тогда большая часть славянскихъ племенъ, съ потерей политическаго значенія, останавливается и въ своемъ культурномъ развитіи и одна только русская народность одиноко продолжала неизмѣнно двигаться впередъ въ прежнемъ направленіи. Такимъ было положеніе русскихъ до той поры, пока, въ половинѣ XVII в., черезъ юго-западъ не стала проникать сюда ла-

тинская схоластическая ученость и не дала первый толчекъ движенію по пути общаго европейскаго образованія. Это было преддверіемъ эпохи царя Петра.

Церковнославянскій языкъ, языкъ славянской богослужебной литературы, служившій путемъ распространенія культуры у славянъ, находится къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ въ такомъ же точно отношеніи, какъ санскритъ къ прочимъ индоевропейскимъ языкамъ.

Анализъ языка церковнославянскаго, его сравненіе съ прочими славянскими языками и нарѣчіями и сравнительное разсмотрѣніе его въ связи съ прочими языками индоевропейской группы будетъ предметомъ нашихъ занятій.

